

Панельная дискуссия.

Модератор: Андрей Владимирович Лученков – заместитель министра образования и науки Красноярского края.

Вопросы дискуссии:

Позволяет ли состояние сегодняшнего образования рассматривать его как ресурс преодоления кризисных явлений и развития? Или, наоборот, оно выступает катализатором кризиса?

Участники дискуссии:

Исак Давидович Фрумин – д.п.н., координатор образовательных проектов Московского представительства Всемирного банка реконструкции и развития, научный руководитель Института развития образования ГУ-ВШЭ, г.Москва;

Галина Николаевна Прозументова – зав. кафедрой управления образованием, заведующая лабораторией проектирования инновационных процессов в образовании, д.п.н., профессор, г.Томск;

Светлана Юрьевна Андреева – проректор по учебно-методической работе КК ИПК и ПП РО., к.п.н., г.Красноярск;

Татьяна Всеволодовна Абанкина (директор Центра прикладных экономических исследований и разработок Института развития образования ГУ-ВШЭ, к.э.н., г. Москва;

Владимир Иннокентьевич Колмаков – первый проректор по учебной и научной работе ФГОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», д. д.б.н., профессор кафедры экологической биофизики и гидробиологии Института фундаментальной биологии и биотехнологии СФУ;

Борис Иосифович Хасан – директор Института психологии и педагогики развития, д. психол.н., профессор кафедры психологии развития Института психологии, педагогики и социологии СФУ;

Владимир Анатольевич Перекотий – директор творческого объединения «Дела»;

Ольга Анатольевна Карлова – заместитель губернатора Красноярского края, д.ф.н., профессор.

А.В Лученков: Спасибо. Уважаемые коллеги.

Представлена наша сегодняшняя дискуссия достаточно разнообразно. Вопрос, который мы хотели сегодня обсудить, звучит примерно так: **позволяет ли состояние сегодняшнего образования рассматривать его ресурс как ресурс преодоления кризисных явлений и развития?** Так или иначе кризисные явления, которые мы сейчас все обсуждаем, которые фиксируем, может быть только по определению, но в педагогике развития известны. Также известно, что существуют способы, описаны пути преодоления таких кризисных явлений. Это, скажем так, одна из интриг, которая породила эту тему. Может ли, на взгляд диспутантов, такой вопрос, такое умение решать проблемы в образования, переносить это решение на кризис, который мы сейчас обсуждаем. Либо наоборот, может быть, одно породило другое, я имею ввиду то образование, которое мы сегодня обсуждаем.

Итак, пожалуйста.

Т.В. Абанкина: Добрый день, уважаемые коллеги! Спасибо организаторам, что пригласили. Рада участвовать в такой конференции, которая имеет свою тонкую научную позицию. Мне кажется, что ответ, действительно, не был построен соответственно, исходя из того, что в условиях кризиса сегодня систему образования довольно трудно расценивать как единое целое. Я думаю, кризис несомненно приведет к расслоению системы образования. И часть этой системы несомненно должна обеспечить выход из кризиса и дальнейшее послекризисное развитие и часть этой системы безусловно сегодня не отвечает современным требованиям. И, конечно, кризис всегда приводит к углублению этого расслоения. Поэтому сказать, что вся система является либо, как у нас любят эту метафору, тем паровозом, который вытянет или наоборот, как раз катализатором кризиса, катализатором кризисных явлений. Конечно, катализатором кризисных явлений, безусловно, особенно финансово-экономического кризиса, система образования не является, он не с нее начался, не ей закончится. Вместе с тем мне бы хотелось отметить два момента в связи с моим мнением относительно того, что тем не менее кризис, конечно, усилит расслоение системы образования, причем как общего образования, так и профессионального. В последнее время образование попало в число социальных приоритетов. Я думаю, что многие из здесь присутствующих приложили к этому огромные усилия и это состоялось, и это очень важно и это очень хорошо; очень важно, что оно попало в приоритеты отраслей социальной сферы, причем в период, скажем так, экономического роста, и, я думаю, что приоритеты национального проекта образования здесь сыграли огромную роль, как с одной стороны дополнительный финансовый поток, и как мощнейший административный ресурс и федерального, и регионального, и муниципального уровней, который привлек такое политическое внимание в системе образования, привлечения дополнительных финансовых ресурсов, ну и кроме того, именно приоритеты национального проекта образования задали ту систему координат, которая важна и сегодня станет опорой в условиях кризиса, а именно поддержки нам. Вот это те приоритеты, которые были выдвинуты в национальном проекте образования, в первую очередь, направлены на поддержку лучших школ, лучших учителей, инновационных программ, начального и среднего профессионального образования. И я думаю, что сегодня за те, может быть 2,5 — 3 года, действительно уже сформировался вот этот вот конус лидеров, который во многом должен обеспечить сегодня серьезные изменения в качестве. И фактически является той социальной базой развития, которая складывается на наших глазах. Мне кажется колоссальную роль сыграли региональные проекты, так называемые комплексные проекты модернизации системы образования. Красноярск, среди тех регионов, которые реализуют эти проекты. Это тоже очень важно, потому что набор шел на конкурсной основе и достаточно серьезные требования предъявлялись к реализации этих проектов. Вместе с тем в рамках этих проектов отрабатывались технологии, для нас может быть, впервые отрабатываемые, и сейчас мы имеем уже накопленный во многих регионах опыт такой технологии — деньги в обмен на обязательства - поэтому сегодня система образования, по крайней мере лучшая ее часть, безусловно, готова работать в проектном режиме. Пришли к достижению конкретных результатов, в соответствии с которыми получаем результаты, измеряемые количественными показателями. Хуже или лучше количественные показатели — это вопрос другой, но это те цели, достижения которых измеряются. И второе огромное отличие этого проекта и, я думаю, его огромный потенциал и преимущество, это его публичный характер, открытый мониторинг, публичный, впервые реализацию комплексных проектов может наблюдать в интернете любой, вплоть до конкретной школы. Что происходит; как изменяется ситуация; это, конечно, тоже очень важно. Я поддерживаю Александра Геннадьевича (Хлопонина) в том, что система образования должна быть открыта обществу. Когда все общество становится заинтересовано в том, чтобы она развивалась, причем чтобы она развивалась в интересах, прежде всего, общества. И мне кажется, что педагогика развития - это то, что должно иметь общественный резонанс. Поэтому моя точка зрения заключается в том, что у нас есть задел вот в той политике поддержки лидеров, опору выхода из кризиса составят

именно лидеры, инновации..Но вообще, мне кажется, что кризис, безусловно приведет к расслоению системы образования. И в том числе, конечно, к необходимости реструктуризации всех уровней системы образования. Спасибо!

Г.Н. Прокументова: Позвольте мне продолжить, поскольку я хочу добавить по этой теме. Я почему, уважаемые коллеги, попросила слова. Во-первых, потому, что когда была предложена тема для дискуссии и мне предложили участвовать в этой дискуссии, я подумала, а о чем говорить в связи с кризисом? Ну не о финансах же. Все говорят о финансовом кризисе, чего в системе образования о том, кризис чего в ней просто не может состояться. Нет финансов, не было и не предвидится, конечно же, не о финансах надо разговаривать. Я начну говорить про управление инновациями. Потому что кризис как раз вывел очень серьезную проблему вообще в российском обществе, российской государственности, ну и конечно же в частности вечным отражением всего, что там..происходит в более высоких сферах, кризис управления инновациями. И я не случайно попросила слово после моей коллеги, потому что я была экспертом как раз по национальному проекту, конкурсу школ, внедряющих инновационные образовательные программы. И с одной стороны, я была поражена тому потенциалу, той практике, которая хотела получить миллион не просто за свои усердия, а за действительные разработки, которые ими делаются. Конечно, эти разработки часто выглядели грустно. Но тем не менее было очевидно, по итогам этого конкурса, что потенциал, растроченный за 20 лет инновационного движения, колоссальный. Я со своей группой надеялась, в очередной раз надеялась, что после этого конкурса, мой эмоциональный фон - масштабы-то ОГОВО!!! сейчас проведи такой потенциал - управление верхним уровнем, то есть я имею в виду политику управления, уровень региональный, уровни любые другие, ну вот же — и не надо придумывать новых концепций, идей, которыми мы завалили друг друга. Вот же на самом деле тот колоссальный потенциал, сделав на основании которого стратегию, можно реально, действительно, в образовании запустить механизмы самоорганизации. Оно наконец-то станет похоже на человеческую практику. Такие деньги вгроздились в этот проект, и в общем, на самом деле поставили точку. Люди есть люди, они движутся, они чего-то хотят, но управление инновациями. как всегда. Расшевелили народ, двинули, а дальше начинаем придумывать новые концепции, новые направления реформирования, которые к этому потенциалу имеют очень незначительное отношение. Поэтому кризис, на мой взгляд, заключается в том, что, мы уже прошли этап девальвации ценности единого образовательного пространства, я согласна с коллегами - развал происходит на глазах. Я согласна с теми, кто говорит о том, что мы прошли этап реформации системы образования, система разваливается, нет единого пространства образования, да и слава богу, но мы вышли на самый крутой пик кризиса. Если управление останется таким же, то есть управление, которое ресурса не видит, не видит потенциал и не владеет технологиями перевода ресурса, то, конечно, кризис есть кризис, опять утихнет все, опять стабилизируется. Но ничего не произойдет.

И.Д. Фрумин: попробую ответить на вопрос о том, чему может, так скажем, политика в области преодоления экономического кризиса помочь области образования. Например, есть такое ощущение, что может, потому что мы в образовании, действительно, сталкиваемся с кризисами. И самый типичный - это кризис взросления, когда с ребенком, с хорошим, вдруг начинает что-то плохое происходить. Он вчера еще был послушный, а тут из мальчиков и девочек что-то вырастает в более страшной форме. И я помню, когда в практике первый раз с этим столкнулся, то я думаю, что же делать. А потом мне умные люди, в том числе вот Борис Иосифович, стали объяснять, что это нормально, надо, чтобы что-то произошло, чтобы что-то обновилось, и меня научили такому слову замечательному - «израстется». Когда парень начинает дома не ночевать, уроки пропускать и так далее. Родители спрашивают меня, давайте проведем работу с ним какую-то, я говорю спокойно —

израстется. Ну и, как правило, израстается. Чаше всего израстается. В этом смысле спокойно к этому надо относиться, ну кризис и кризис, с другой стороны, это, конечно, действительно, то, что происходит сейчас в экономике, прежде всего, это плохо, это в мировом масштабе, это, действительно, не то, что плохо, а серьезная проблема. Если задать себе вопрос, отвечает ли образование, это у нас второй был вопрос, я коротко попробую сказать, думаю, что да, отвечает. Я недавно, буквально 10 дней назад был на огромной международной конференции, где несколько очень крупных американских ученых делали большую презентацию и они там пытались сказать, что в значительной степени идеология потребительства, безудрежного жизненного успеха в кредит, она в значительной степени формировалась западной школой. Но если мы посмотрим на нашу школу, то она несет, с моей точки зрения, еще больше потенциал. Дело в том, что наша школа исключительно патерналистская, и вся система управления образованием патерналистская. Когда мы думаем, что мы лучше, чем дети знают, и мы им объясним и они будут делать так, как мы им говорим. И учителя будут делать так, как мы им говорим. И мы не ждем ни от детей ни от учителей осмысленной инициативы и ответственного действия. И они привыкли. К сожалению, наши хозяйственные субъекты и работники к этому привыкли. Думаю, что главное, что мы должны ответственно сказать, что наша система образования ответственна в том числе за то, что происходит, за тот дефицит инициативы, свежих идей и готовности делать что-то самим и отвечать за то, что они сделали.

С.Ю. Андреева: Я хотела вот о чем сказать. Мы все время говорим кризис, и только когда меня пригласили сюда участвовать, то я первый раз заглянула в словарь и посмотрела, что же обозначает это слово, хотя много раз его слышала. Оно произошло от греческого слова, которое обозначает «перелом или решение». Вот кризис — это время перелома, время принятия решений, на самом деле.

Понятно, что образование — это часть социальной сферы, поэтому если в социальной сфере, финансовой сфере кризис есть, то в образовании он случится. Ну наверное позже, потому что инертная сфера. Что первично - кризис в образовании, и как производное, в социуме или наоборот, - это, наверно, вопрос дискуссионный и похоже такой же, что было первое — яйцо или курица.

Теперь по поводу того, исходя из этих слов — перелом и решение - что можно сделать в образовании. Это значит, что в образовании надо бы поговорить о том, чтобы люди могли принимать решения. Я бы тут присоединилась к предыдущим ораторам и сказала, что, мне кажется, что, как раз, с решениями у нас проблема. У нас проблема с людьми, которые могут принимать решения адекватно ситуации, то есть ответственно. Слово «ответственность» тоже очень интересное — от слова «вето», это значит «нечто соответствует норме права». Так вот, это слово, оно тоже уже видоизмененное и когда-то оно звучало как «отвеДственность» - от слова «ведать», это значит знаю, что творю, в соответствии с правилами. Мне кажется, что образование никогда в жизни не поможет решить ни одну проблему, если задача на уровне оценки результата, не будет заявлена цель такая, что нужно готовить людей, которые могут принимать решения. Потому что, вообще то, по большому счету у нас нет такой задачи. Про технологии можно говорить, можно не говорить, но если задачи не стоит, то о каком решении можно говорить.

В.А. Перекотий: я сейчас не очень слежу за ситуацией в образовании. Но, конечно, считать катализатором кризиса систему образования — не совсем верно. Кризис настолько глобальный, что образование здесь на околотках причин находится, мне кажется. С другой стороны, если говорить об образовании самом, то не совсем понятно, какое образование имеется в виду. Понятно, что базовое среднее образование — это одна история, история длинная, многолетняя. И высшее образование — это совсем другая история, история специализации и, может быть, как раз, основные претензии и надежды на исправление ситуации, на преодоление кризиса и уж точно ситуацию после кризиса - эта

ответственность лежит скорее, можно рассчитывать только на сферу высшего образования. А о каком образовании мы тут говорим?

Реплика из зала: обо всем.

В.А. Перекотий: А мне кажется, это принципиальная ошибка. Нельзя говорить об образовании начальной школы и о высшем образовании. Начальная школа — это вот скорее попытка преодоления этого патернализма, попытка воспитания вечных ценностей, семьи и т. д. А высшее образование, как раз подготовка уже хороших умных ответственных людей, к некоей специализации, к выстраиванию экономики, народного хозяйства. Ведь это принципиально разные вещи. Мне кажется, ставить вопрос, является ли образование катализатором экономического кризиса — не совсем корректно. А еще мне очень понравилось про ситуацию, когда это было — лет 20 назад? - насколько я себя помню, в образовании вечный кризис. Кстати, Лев Семенович Выготский, известный психолог советский, который много уделял внимания проблематике кризиса и психологии развития, он как раз, помните там выделяется про кризис взросления, а я вспомнил про кризис одного года, когда у ребенка эгоцентрическая речь, говорит сам на своем языке — мне кажется индустрия образования сама себе на своем языке говорит, а общество его не совсем понимает.

Б.И. Хасан: Я сейчас попробую заострить: всему виною образование; оно виновато во всем. У нас когда-то с одним моим коллегой был такой разговор про то, с кем первым встречается человек. И я ему говорю, что первый человек, с которым встречается ребенок, появившийся на свет - акушерка, вот как она его приняла, так он дальше и пойдет. Он секунду подумал и говорит, ну ведь ее же кто-то учил. Образование имеет отношение к кризису безусловно. Мы его в образовании по сути дела производим. Поскольку именно образование подготавливает принятие решений, и если люди не приготовлены к принятию решений, видеть горизонты дальше, чем потребление, а понимать, какая там перспектива есть и какие решения там должны быть и где появляются моменты ответственности, а если этого нет, то мы тащимся на поводу у происходящих событий. В лучшем случае мы можем только реагировать.

В.А. Перекотий: Борис Иосифович, мы говорим, что не имеет отношение образование к кризису, к кризису имеет отношение именно ... отношение, другое дело, что, например, масс-медиа привели к ...потреблению в советское время намного больше, мне кажется...

Б.И. Хасан: ну а масс-медиа, они что без головы? Они же как-то ориентируются, что они делают, зачем они это делают, решения какие-то принимают. Они где-то воспитывались, где-то учились..

В.А. Перекотий: они так себя ведут не потому что воспитывались в такой-то школе, таком-то вузе, далеко не так. Точно также не потому что акушер не так принимал.

Б.И. Хасан: а я думаю, что именно потому, что их так научили, а если бы не научили, то откуда бы они этого нахватились.

В.А. Перекотий: я собственно вам про это и говорю — знаете, стоматологи у всех людей смотрят на зубы, в первую очередь — это некий профессионализм...Я говорю о том, что пытаюсь анализировать свое место в обществе и беру на себя ответственность, понимаете, что лишнего брать не надо.

Б.И. Хасан: И вот как раз кризисы в образовании, они, действительно, обычное дело. И, как говорили, израстется, но нет, не очень. Потому что если у ребенка нет ресурса для преодоления, то не израстется. Там, где ресурсов нет, там оборачивается трагедией в том числе и для детей, и для семьи. Ровно потому, что, например, пристрастила его к телевизору сама система образования. Понятно, что семья является одним из образовательных институтов, но мы то специально для этого назначены. Теперь, что делает образование? На сегодняшний день образование очень сильно влияет на эту ситуацию, потому что оно не то, что кактализирует кризис, оно его производит, продуцирует. Оно само по себе не очень болеет, оно на себе бацилу несет, других заражает. Так оно соответствующим образом организовано, как вот этот бациллоноситель. Мы уже десятилетия назад, примерно в 80-е годы почувяли, что не все в порядке с системой образования и начали обсуждать, вот это было новаторское движение, когда люди начали придумывать новые способы. Какими способами можно работать с детьми; тогда это общую школу коснулось. А высшая школа закрылась, защищается и никого к себе не пускает. Но, наконец, и ее тоже начали доставать. Способы, способы, способы! Потом, спустя там где-то 15 лет, начали обсуждать условия. И вот буквально совсем недавно начали обсуждать цели. Что такое кризис? - поворотное пункт, да. Ну в поворотном пункте происходит рассогласование между целями, средствами и условиями. И теперь ответ на вопрос, который был в дискуссии - да, у нас есть шансы как-то повлиять, не на сам кризис, мы его уже устроили, сделали и в нем благополучно кувыркаемся. При этом образование он, конечно, заденет, но мы бессмертны. Мы выживем при любом варианте. Люди все равно детей в школу поведут, будут хоть в какие-то вузы поступать, потому что это социальный статус, и многие, кто поступает в вуз, не думают, кем он будет после вуза. Мы выживем. Вопрос, что будет после кризиса? Чему нас кризис, само образование научит?

Г.Н. Прокументова: Вы сейчас так масштабировали наше влияние на кризис, что я уже чувствую ответственность мирового масштаба. Поэтому вот я хочу уточнить, когда вы говорили о бациллоносителе и прочее, вы не могли бы все таки уточнить границы нашей ответственности? Потому что, действительно, мы сейчас начнем обсуждать, и не понятно, что обсуждать — спасение всего человечества или все таки мы как-то масштабируем проблематику обсуждения.

Б.И. Хасан: Хороший вопрос. Кто за что отвечает: за что отвечает учитель, за что отвечает образовательный институт. Я говорю про образовательные институты. Их довольно много: есть институты общего образования, высшего образования, есть высшее профессиональное образование, каждый институт за свое отвечает. Но попробую найти общий ответ на вопрос. Если говорить о перспективах выхода, вот уже за кризис, есть на самом деле в образовании эти ресурсы, но если мы обратим внимание на цели образования и то, чтобы согласовать цели, средства и условия, то ключевой целью образования является то, что оно должно учить думать! Мы про это начали подзабывать. Кстати, американская школа, на которую мы сейчас ссылаемся, там вообще в течение многих лет уже позиционируется идея успеха. Вот если мы будем ориентироваться на то, чтобы быть успешными хоть в чем-нибудь, то у нас никаких перспектив не будет, а будем ждать, когда само пройдет — израстется. А если школа начнет, и высшая, и, прежде всего, общеобразовательная, начнет учить думать, то шансы есть.

В.А. Перекотий: Борис Иосифович, если бы успешным считался умный человек, который умеет думать, то почему нет?

А.Г. Хлопонин: Мы живем в глобальном мире, в глобальной экономике, а не в замкнутом пространстве, мы передвигаемся, мы мобильны, мы хотим уметь адаптироваться не только в нашей стране, не только в Красноярске, но и в Москве, Новосибирске и т. д. У

нас был один профессор, который рассказал один случай: разговаривают двое, один задает вопрос:

– Вот ты можешь представить себе француза, который приехал в Италию и стал итальянцем?

– Вряд ли.

– А можешь представить немца, приехавшего в Италию и ставшего итальянцем?

– Вряд ли.

– А можешь себе представить, что все они приехали в Америку и стали американцами?

– Да, легко.

– А как ты думаешь, почему это происходит?

Мы говорим, потому что для Америки не существует национальности, вероисповедания.

Если раньше монополии существовали 10-летия, то сейчас не больше месяца, от силы года. И жесточайшая конкуренция приводит к тому, что в образовании важно уже не подготовка менеджеров, а создание идей, креатива, как сделать так, чтобы наши специалисты могли генерировать идеи. И вся дискуссия вот эта...стратегии и философии образования. Вот это одна мысль.

Вторая мысль, есть три крупнейших мировых центра: США, Европа, Юго-Восточная Азия. И по большому счету образование толкает все процессы, которые происходят в мире и во всем обществе. Вопрос, который у меня возникает: что мы хотим производить? Мы хотим производить Майбах российской сборки? Притащить оттуда технологию и «отверткой» подправить систему образования? Или по большому счету мы хотим создать собственный продукт, который был бы конкурентен на мировом пространстве. Я хочу покупать то, что конкурентноспособно и соответствует своей цене. Для этого я должен что-то делать: и привлечь иностранных специалистов (нет времени раскачиваться), но при этом собрать все мозги, чтобы создать продукт, который будет востребован не только в России, а во всем мире. Если государство не вложит огромные ресурсы в изменение системы образования, нацеленные на эти вещи, то все это сведется исключительно к одной из тех моделей, о которых мы сегодня говорим.

Т.В. Абанкина: коллеги, я тоже хотела заострить, может быть специально, отвечая на вопрос масштаба и о ком все таки сегодня идет речь.

С моей точки зрения, конечно можно придерживаться позиции, что в образовании все время кризис, что оно бессмертно. Поэтому в общем вопросов нет. Это, конечно, привлекательная точка зрения, но вместе с тем хотелось бы тем не менее вот этот постоянный кризис расчленить. Я думаю, что у нас всегда были определенные успехи и достижения, очень масштабные, которые очень важно сохранить. То, что все таки Россия с 23 места по результатам ПИРЛС заняла 1 — так что весь мир ахнул — это наше достижение, когда в 2006 году 10-летние школьники оказались лучшими в мире. Сейчас соответственно вы понимаете, это 12-13-летние дети. Наверно, это другое поколение. Были проведены исследования, в том числе и Фруминым, по причинам того, почему были получены такие результаты. И в общем то заслуга была и семьи, и школы, и, возможно, дошкольного образования, тех изменений, которые за эти годы происходили. Но тем не менее, вот этот вот совокупный эффект мы в общем-то наблюдали. И мне кажется, что вот это поколение, это очень важное поколение. Это то поколение, на которое мы должны опираться после кризиса. Это вот те, которые у нас стали лучшими в мире по ПИРЛС. И именно они, мне кажется, сегодня под очень большой угрозой. Я все таки считаю, что если мы посмотрим на антикризисную программу правительства, то огромные ресурсы сосредоточены на программах профессиональной переподготовки и переобучения. То есть вообще говоря на работу с безработными. Причем делят, замечательно, на две группы по, так сказать, по финансам и по (мало кто это понимает) опережающим, под будущую экономику. Все это,

конечно, рассчитано на взрослых. И сегодня, безусловно, она будет различаться по регионам, но довольно серьезную ситуацию мы будем иметь, сокращения бюджетов и при всем при том, что я уже сказала, образование остается в числе приоритетов и в фокусе социальной политики, я думаю, что ни один регион не сможет удержать те бюджеты, которые были в образовании в прошлом и в позапрошлом году. К сожалению, эта ситуация коснется наших регионов, экономически наиболее устойчивых: Красноярский край, Пермский край, Самарская область и целый ряд других наших крупнейших регионов, у которых тестирование оценивается в размере 30-50%. Это не может не затронуть систему образования, более того, это не может не затронуть программу развития системы образования, поэтому если мы не продолжим вложения в систему школьного образования, причем основной школы, потому что, имея такие результаты по ПИРУС (?), среди 15-летних школьников мы далеко не в группе лидеров. И если сейчас не попытаться поддержать это таким образом, чтобы этих провалов не случилось, то то поколение, которое с помощью разных сил удалось как-то вытянуть, оно, конечно, шансы такие потеряет. В чем здесь сложность? Сложность в том, что только за счет федеральной поддержки и федеральных проспектов можно компенсировать сокращение региональных бюджетов. Поскольку основная тяжесть лежит на региональных и муниципальных бюджетах на среднее образование. Если все деньги будут уходить на профессиональную переподготовку и решение проблем безработицы сегодняшних взрослых, то, конечно, те достижения, которые мы имеем с начальной школы, они, к сожалению, будут утрачиваться.

И.Д. Фрумин: я совершенно уверен, что вложения в образование в последнее время были пустой тратой денег. Я это вижу по университетам, которые накопили суперкомпьютеров, потому что они думают, что накопили суперкомпьютеров и думают, что они стали суперконкурентноспособными. Эти умные доски интерактивные и прочее-прочее. Деньги были потрачены не на реальное обновление технологий; тоже самое произошло в здравоохранении, когда деньги были вложены в инфраструктуру, а не в изменение стандартных процессов, которые там происходят. И поэтому, я думаю, что как раз наоборот хорошо, что сейчас заставят, а то как я вспоминаю время, когда мы были моложе и зарплату нам выдавали рябиной на коньяке и другой продукцией Красноярского ликеро-водочного завода, но тогда у нас мысль работала, а сейчас у нас схема деньги в обмен на обязательства. Нам какой-то чудик, значит, сверху придумал обязательства и дал деньги, чтобы мы эти обязательства выполняли, то есть нам уже думать не надо.

Т.В. Абанкина: ну зачем вы так? Реально сами оценивали ситуацию, реально сами оценивали потенциал, реализуем сейчас эти самые достижения. Давайте не будем перечеркивать то, что делается. Деньги не решают в образовании все, но я глубоко убеждена, что без денег, без финансовой поддержки образования изменений достичь не удастся. Поэтому я сторонник увеличения дополнительного потока финансирования в образование и, главным образом, общего образования.

В.А. Перекотий: с одной стороны логично, с другой стороны, мне кажется, это не вопрос конференции педагогики развития.

В.С. Собкин: У меня такое ощущение, что когда мы обсуждаем кризис, мы не видим существование разных типов региональных ситуаций, специфики; не учитывая разные масштабы, пытаемся сказать одним словом, что делать в образовании, а ситуации очень разные. И в этом смысле, мне кажется, надо договариваться о масштабах ситуации, что мы обсуждаем и что может с ними произойти в период кризиса — в системе школьного воспитания, в системе начального профессионального воспитания, в системе высшего профессионального образования и так далее. У каждой из этих систем есть свои специфические цели, задачи и так далее. И они по-разному, выполняя разные социальные

задачи, будут реагировать на систему в кризиса. И в этом плане меня немножко беспокоит, что мы, обсуждая кризис, не учитываем того, что вот эта патерналистская функция образования и социальной поддержки, в ситуации кризиса должна усилиться и стать, может быть, ведущей для целого ряда специфических региональных ситуаций, которые будут связаны с ухудшением социального положения социальных групп, которым потребуются услуги образования, связанные с тем, как нам не очень интересно обсуждать развитие инноваций и таких сермяжных вопросов, как вытягивание и поддержка социальных слоев слабых и удержание их на определенном уровне. Это вот очень важный, мне кажется, момент. Второй момент, мы не обсуждаем систему государственного и негосударственного образования, которая худо-бедно сложилась. И в разных регионах эта ситуация совершенно разная. Если в Москве около трети студентов обучается в негосударственных вузах, то в Орловской области их обучается 2%. А в близкой по культурной среде Смоленской области их обучается в негосударственной среде около 12%. Мы даже не отдаем себе отчет и не пытаемся проанализировать, на основе каких социальных сюжетов это сложилось и разворачивается довольно мощно в одних регионах негосударственная система образования, в других она находится в зачаточном состоянии за прошедший с 92 года уже длительный период, который позволил развернуть эту систему негосударственного образования. Вот здесь возникают те вопросы, которые связаны с политикой образовательной. Вот сюжеты кризиса, если мы говорим экономический кризис и системы образования, мы должны различать важность государственной и негосударственной систем образования, которые по-разному будут их переживать.

Д.Л. Константиновский: Я хочу поддержать губернатора, хотя не думаю, что он нуждается в моей поддержке. Дело вот в чем, дешевого образования не бывает, дешевое образование — это не образование. Если мы говорим о тестировании, то там все идет к удешевлению и тогда система образования потерпит крах. Но дело не только в этом, все еще играет на том, что образование — это некая услуга, оказываемая населению. Смотрите, что такое образование: человек тратит свои ресурсы, вкладывается какое-то время в получение знаний, тем самым увеличивая человеческий потенциал общества. Тогда вопрос: кто кому услугу оказывает, образование человеку или человек обществу. Спасибо.

В.Г. Васильев: Меня интересует вопрос, вообще-то есть ли прецеденты в истории человечества, когда образование повлияло на разрешение того или иного кризиса. Какова роль, каковы исследования, что мы про это знаем? Если мы ничего такого не знаем, то спрашивается, что за вопрос? Откуда возникает такая уверенность у системы образования? Это первый тезис. И второй тезис. Мне особенно нравится в психологии. Л.С. Выготский поставил вопрос, и там кризис действительно рассматривался как такой перелом, как смена парадигмы и создание новой психологии. Разобралось ли образование в своем кризисе? Это раз. И разобралось ли государство в той системе управления, которая этот кризис поддерживает? Ведь кризис в 56 году начался. Как только объявили о бесплатном среднем образовании, так сразу все стали иметь право учиться в вузе. И качество образования профессионального исчезло. Утратилось мастерство человеческое и утратилось творчество. Творчество как высокий профессионализм. Вот для меня это главные глобальные вопросы. И третий, совсем простой. Если мы говорим: кризис, кризис в образовании. Конечно, кризис, потому что если мы каждый раз предъявляем требования к подготовке человека, а потом вспоминаем, что для этого учителя еще надо подготовить. Но пока мы его готовим, наши требования два-три раза изменятся. Как же тогда подготовить такого учителя? Я думаю, что это один из шагов из кризиса образования.

Н.Н. Блинов: Поскольку у нас назначение панельной дискуссии, актуализировать дальнейшую работу всей конференции, то я бы рискнул задать вопрос всем дискуссионкам. Может быть они, отвечая на него, заведут весь зал, ну меня, во всяком случае. Первый

вопрос. Что из того, что случилось в проекте модернизации, на Ваш взгляд, может стать опорой для посткризисного развития образования? И второй вопрос. Что продуцирует или может продуцировать, словами Бориса Иосифовича, инновационная часть образования. Спасибо.

Б.И. Хасан: Я попробую, только не буквально на вопросы отвечать. Мы про какой кризис говорим? У меня есть тезис такой, что кризис — это когда «не могу больше», все, до точки дошел, поворотный пункт. Вот возрастной кризис мне понятен в психологии. Например, когда ребенок в три года говорит «я сам» и претендует, наезжает на то, что раньше было у взрослого, а он теперь хочет сам. И это признак взросления, он уже не может быть тем, кем был раньше, и не хочет. А в образовании в этом смысле кризиса нет. Я еще раз говорю, что оно все время продуцирует кризис в другие сферы, производя соответствующие типы мышления и поведения, а само не в кризисе. Мы все время говорим, глядя туда, в другие сферы, говорим, что у нас кризис, да нет у нас никакого кризиса. Вот если бы мы могли у себя его почувствовать на самом деле. Мы ведь все время обсуждаем условия, средства, как будто бы с целями все в порядке. Может быть у нас с целями не все в порядке, с образовательными? И прошлая конференция была про результаты. Про что это — про результаты? И разговор про стандарты идет. Какие стандарты? Эти стандарты, те, которые назначаются, они обеспечат нам прорыв из кризиса и непопадание в вялотекущее опять состояние вот это. У меня такое ощущение, что мы в разговоре про стандарты вернулись не к новым целям, а как раз каким-то совсем старым, которые давно сдохли. И если нам не удастся здесь об этом договориться и своим сообществом влиять на то, чтобы там приняли адекватные цели. На мой взгляд, эти цели связаны с умением думать, прежде всего, и тогда разговор об ответственном, самостоятельном и т. д. - это и есть конституировать этому место. Если школа не будет учить думать, а будет создавать фикции успеха, то никакой перспективы нет. А образование будет спокойно при этом.

В.Г. Васильев: Коротенький тезис я скажу. Борис Иосифович, ну как нет кризиса? Если мы вынуждены в образовании поступать вопреки нормам, если все происходит вопреки, а не по нормам — это и есть главный признак кризиса.

Е.А. Ленская: Можно я отвечу на Ваш вопрос. Так получилось, что я недавно прочитала на эту тему интересную книгу. Оказывается, великая депрессия была золотым веком американского образования по двум причинам. В школы пришли люди из вузов, которые раньше работали в университетах, просто потому, что там была большая социальная защищенность. И это главная причина, как известно это самый важный фактор, который содействует тому, чтобы образование было качественным. И, поскольку был демографический кризис, детей в школах было меньше. Эта плеяда, которая выучилась в период кризиса, дала самое великое поколение американских менеджеров, юристов, экономистов и т. д. Цифры впечатляют, по сравнению с предыдущим и последующим поколениями. Так что может быть все не так плохо?

А.Г. Каспржак: Меня беспокоят две вещи. Первая — это деньги. Когда заходит речь о бюджете, у меня первый вопрос: на что? Вот мы секвестрируем бюджет образования — правильно делаем. Потому что стали просить деньги вообще... Я недавно был в МИФИ, рассказывал своим коллегам, я со страхом увидел студентов факультета кибернетики, которые стоят за кульманами, рядом у них стоят тубусы, и преподаватель красным карандашом исправляет у них чертежи, чтобы они их друг другу не передавали. Это МИФИ факультет кибернетики! Им вообще не надо давать деньги, и может быть тогда они будут о чем-то думать. Это первое, что меня беспокоит. Потому что, конечно, просить денег это замечательно. Об этом кстати очень хорошо писал Майкл Барбер, по поводу того, что образование очень любит говорить, что оно в кризисе для того, чтобы увеличить свой

бюджет.

И второе, что меня беспокоит. Мы опять начинаем придумывать себе сами цель. Вот я человек какой-то неправильный, наверное, но я как бы считаю, что я на государственной службе находился до востребования, и на этой государственной службе, когда государство говорило: «ты вот это сделай». Вот я уже с удовольствием уже восемь лет нахожусь не на государственной службе, и тогда я могу сам себе ставить задачи, которые диктует мне рынок. А когда я нахожусь в государственной школе или в государственном вузе, ребята, Вы мне скажите, чего хотите-то, а мы обсудим, как мы это будем делать. А мы, как мне кажется, здесь начинаем сами себе опять придумывать, потому что нам этого не сказали. Вот это два опасения.

Б.И. Хасан: А что остается? Значит надо придумывать. В том числе и за государство.

Г.Н. Прокументова: Как не сказали? А министерство? Есть невероятное количество материалов и документов, где уже все записано и прописано. Может быть одно противоречит другому, но целей просто такое количество, что будущее поколение не будет страдать от недостатка. Их очень много, вопрос не в том, что они не поставлены. Хорошо еще, чтобы об этом начал бы еще и народ думать. Раз не только государственная школа, раз не только государственный заказ выполняется, но есть же запущенные механизмы, в которых осуществляется постановка цели. Зачем нам-то придумывать это?

Но я про другое хотела сказать. Вы про общее образование говорили, и, мне кажется, кризис совершенно по-разному переживается сегодня в высшем образовании и в средней школе. Средняя школа, поскольку она попала под давление общественности, и в гораздо большей степени волнуется вокруг нее народ, она реагирует более мобильно что ли. То есть я не хочу сказать, что она более адекватно реагирует, но более мобильно она пытается что-то делать. Что касается высшего образования, то мы очень часто на повышении квалификации встречаемся с преподавателями из разных вузов, и я вам скажу потрясение, которое мы испытывали, они точно уверены, большинство из них, что болонский процесс — это вылазка запада против российского образования. Нашему удивлению нет предела, потому что мы начинаем говорить: разве то, что рекомендуется болонским процессом, в чем заключается его суть не отвечает вопросам, проблемам, решению проблем российского образования? И тут мы встречаемся с тем, что по-прежнему в вузах, в умах преподавателей живет мысль о том, что российское образование — это лучшее образование в мире, и что его не надо менять, надо просто осторожно пережить ситуацию, которая сейчас сваливается на голову. Поэтому получается, что на самом деле кризис в том, что одни волнуются и пытаются выйти, но не находят часто для этого выхода, а другие ждут пока все закончится. Вот это кризис: волнений вокруг огромное количество, вызовов огромное количество, а там тишина невероятная. Мне кажется выход из кризиса в том, чтобы образование начало думать и над своими проблемами. Мы все время находимся в ситуации то обслуживания государству, то теперь общество диктует как нам жить. Все правильно, и надо слушать всех. Но не выберемся мы из кризиса пока и свой язык понятный, профессиональный, значимый тоже не начнем вырабатывать.

Е.Я. Коган: Действительно, огромное количество документов с сформулированными целями, смыслами, например, ежегодное послание президента федеральному собранию как правило содержит определенный набор целей для системы образования. Впервые была сформулирована президентом В.В. Путиным, когда он сказал: нам нужно формировать конкурентноспособного гражданина. Цель? Да. Но можно ли воспользоваться этой формулировкой для решения этой задачи? Конечно, нет. Ее нужно операционализировать, ее нужно превратить в набор тех ресурсов, тех средств, с помощью которых будет формироваться этот конкурентноспособный гражданин. Например, нужно изучить конкурентные факторы на внешнем и внутреннем рынках, нужно превратить эти факторы в набор определенных позиций, которые будут поддерживаться той или иной системой

образовательных программ, нужно выработать и применить соответствующие технологии и т. д. Вот этого этапа у нас нет. Почему его нет — это другой вопрос. От целей, сформулированных на самом высоком уровне до технологий, которые позволяют реализовать подобные цели — этот этап принципиально отсутствует. Где он должен сидеть? На мой взгляд, он должен сидеть в стандартах. Это единственный базовый документ, который должен заявить образовательные результаты, которые государство хотело бы видеть в своих гражданах, завершающих ту или иную ступень обучения и выходящих в жизнь, и демонстрирующих определенным образом полученные эти результаты. Это те результаты (так должно быть), которые обеспечат достижение соответствующих целей: успех граждан, конкурентноспособность и т. д. Это базовый документ, которого у нас сегодня нет, а тот, который проектируется далек от подобного рода позиций, на мой взгляд. Это один тезис, который я хотел сформулировать.

Я хотел бы еще пару слов сказать вот о чем. Мы почему-то не говорим о том, что экономический кризис — это обычная, нормальная форма существования глобальной, рыночной экономики. Вне кризиса не бывают подобные экономические конструкции. Так она живет, такова форма ее существования. Другое дело, глубина кризиса для каждой страны, время жизни страны в этом кризисе, способы выхода — это другой вопрос, другая совершенно вещь, в которой, безусловно, система образования играет очень важную роль, подготавливая мобильных и адаптивных людей, умеющих менять себя, умеющих подстраиваться в те или иные ситуации, мобильных социально, мобильных профессионально, ну и т. д., умеющих думать, как говорил Борис Иосифович, умеющих принимать решения, уже много подобных слов говорилось сегодня. Я хочу напомнить уважаемым коллегам, что все эти слова в действительности являются содержанием того, что в этом мире называется ключевыми компетентностями, и то, что по сути составляет сегодня базовые задачи или основные образовательные результаты, сформулированные по сути во всех стандартах образования экономически развитых, значимых государств в этом мире. И это в значительной мере помогает этим государствам, этим людям, этим гражданам, этим экономикам, этим обществам справиться с кризисом. Нельзя предотвратить кризис, но можно по-разному его переживать и разные кризисные результаты на себе прочувствовать. Ну например, если наша экономика упала на 30-40% в принципе, в доходах и т. д., то экономика других государств, таких как Великобритания, Соединенные Штаты, упала где-то на 10-15%, и это тоже важный момент. Если сегодня уже шла речь о том, что наиболее развитые регионы страны потеряли наиболее большие ресурсы в этот кризис, то причина этого только одна — монопрофильная экономика.

И еще один момент, на котором я бы хотел остановиться — деньги. Действительно, без денег ничего быть не может. Деньги портят человека, но отсутствие денег портит его еще больше. Помните эту фразу, предвещающую один из известных фильмов. Есть еще одна мысль, которую сегодня попытался сформулировать Исак Фрумин: скудность средств рождает живость ума. Нельзя вкладывать средства в неизменную систему, если Вы хотите ее изменить. Вы тем самым консервируете то, что есть, Вы замораживаете эту ситуацию на долгие годы. И замораживаете не только в материальных ресурсах, а, самое главное, в головах людей, которые за этим стоят. Поэтому, если уж вкладывать деньги, то только в изменения, только в измененные структуры, не в замен обязательств словесных, а покупать за эти деньги бизнес-планы, соответствующие реструктуризации, вот как это делается, например, в крупных компаниях на западе. Деньги в замен реформ, вот тогда это имеет более-менее разумный смысл. Я думаю, что система образования, конечно же, не виновата в кризисе, ни в нашей стране, ни в других государствах, она этим в значительной мере не управляет, но способ реакции на кризисную ситуацию — да, вот за это отвечает система образования. Если мы говорим, я еще раз повторяю, что впереди нас ждут подобного рода кризисы более или менее жесткие, то это тем более говорит о том, что нужно начать немедленно формировать такие стандарты и общего и профессионального образования, которые в качестве образовательных результатов формулируют задачи создания

определенных качеств личности, для которых знания выступают как ресурс, а не как основной давящий результат. Спасибо.

В.С. Соколов: Такая постановка вопросов дискуссии организаторами конференции несет в себе исключительно форму абстракции. В такой форме эту дискуссию совершенно точно можно было бы организовать в первобытном обществе и обсуждать, то есть была сделана абстрактная постановка вопроса и абстрактное ее обсуждение. Вот сегодня отмечается день рождения одного выдающегося нашего соотечественника, который говорил, что истина всегда конкретна. Вот мы говорим, что сегодня у нас кризис в образовании, принципиально важен характер кризиса. Например, в США — у них это типичный кризис перепроизводства, подкрашенный всякими спекулятивными вещами, у нас кризис недопроизводства, отсутствия производства. Мы ничего не производим, все потребление связано с импортом, а поскольку сейчас импорта нет, всех призываем затягивать пояса. Какое отношение это имеет к образованию? Если в США еще 40 лет тому назад производительность труда начала настолько быстро расти, что часть людей, занятая в материальном производстве, их доля начала резко сокращаться. Скажем 30 лет назад в США в материальном производстве было занято 65% людей, сейчас 34%, и этот процент давно начал снижаться. И в системе образования, естественно, возник вопрос: а чему учить людей, если производство уже не требует такого количества специалистов. У нас в момент развала СССР в материальном производстве было занято 75%, сейчас намного меньше, потому что производства нет. Поэтому когда мы говорим, что всеобщий кризис образования и у них там кризис, и у нас, ну давайте все-таки рассмотрим где какой кризис. Мы отстали в этом плане лет на 50 в системе образования. Это кризис сознания, то, что Вы говорили о болонском процессе и что многие до сих пор думаю, что наше образование лучшее в мире. Возьмем статью одного министра, основной мыслью статьи было, что главной задачей российской высшей школы является за меньшие деньги готовить больше специалистов. Вот Вам установка министерства, и ситуация только ухудшается, поэтому необходимость таких конференций просто общественно очевидна, другое дело, что мы в значительной степени варимся в собственном соку, обратной связи практически нет. И в этом трагедия. То есть кризис компетентности в сфере управления у нас тоже налицо. Поэтому хочется, чтобы наша конференция направлена была в нужном направлении. Спасибо.

А.М. Аронов: На мой взгляд в нашей стране, чем она отличается от других стран, у нас кризиса нет в образовании, это можно увидеть в разных системах. Одна из них — это чисто бюрократическая, государственное управление, у которого все прекрасно и с каждым днем становится все лучше и лучше. Вторая система образовательно-научная. У нас защищается масса диссертаций педагогических, в которых предлагается применять все более и более лучшие, апробированные средства, способы, методы. И там тоже все прекрасно идет, в этих диссертациях, которых все больше и больше. И есть реальные школы, которые мало связаны со всеми этими работами, и у которых тоже, наверное, кризиса нет, поскольку учителя просто перестают учить. Это же очень просто делается, достаточно перестать задавать домашнее задание и все, отношения становятся столь прекрасными, дети в восторге от учителя, родители довольны педагогом, потому что дети довольны, завуч доволен, потому что родители довольны. В этом плане где кризис-то? Мне кажется, что если разделить ситуацию на такие маленькие части, то в каждой из них никакого кризиса нет. А если мы говорим о других странах, то у них такого разделения внутри системы образования нет, и, возможно, поэтому, у них кризис есть. Спасибо.

Г.Н. Прокументова: Мне кажется, что деньги мы все же будем вкладывать в ту систему, которая есть. И системы такого типа, как образование, методом трансформации не меняются, поэтому ничего другого взамен этой системы, которую мы будем игнорировать, что она такая, а мы предложим какую-то другую, просто не будет. Реальное управление все

равно будет иметь дело с этой системой.

Тогда второй тезис. Мне кажется, что за последние годы, надо признать это, действительно в системе общего образования, я утверждаю это, накоплен очень интересный потенциал, который может быть превращен в ресурс развития системы. Другое дело, что без конца апеллируя то к государству с его установками, то к общественности, образование не выработает языка, на котором бы оно могло говорить, обсуждать этот ресурс в том числе внутри своих задач. И поэтому этот ресурс, этот потенциал остается непонятым, невостребованным и нереализуемым. Но может быть наша задача не придумать новые цели образования, а посмотреть те направления, в которых образование уже развивается на самом деле.

Ну и последнее: мне все равно кажется, что это задача управления, и что на какие бы точки мы не давили в кризисе, если мы не меняем сам характер управления, которое цели не придумывает, не ставит, я бы не торопилась и со стандартами. В ситуации, когда все вздыбилось и не улеглось, мне кажется стандарты могут быть написаны, но я очень сомневаюсь в каком это все будет качестве. И, мне кажется, не надо сейчас придумывать цели, надо посмотреть, куда ориентировать образование.

И самый полуденный момент. Давно уже работая в системе высшего образования, я поняла одно, что, конечно, может быть наше образование не лучшее в мире, но, коллеги, если мы не делаем ставку на то, что в этом образовании тоже происходят очень важные процессы, то именно так управляя внедрением болонского процесса, как мы это делаем до сих пор, навязывая его с упорством, достойным лучшего применения, не обсуждая то, какие ресурсы оно несет для российского образования, это вызывает глухую оборону на уровне ректорского корпуса и глухую оборону на уровне преподавателей высшей школы. Ну не переломить это, и не надо ломать через колено, так менять способы и стиль управления.

В.А. Перекотий: Я понял одно, я и не ожидал, тут говорило столько умных людей, что система образования такая запустелая. И мне кажется, что как в советское время, так и сейчас сфера образования и люди в ней не заметили, что произошло за последние 15 лет. Детей учит и воспитывает сейчас интернет и масс медиа намного больше, чем это кажется учителям и педагогам высшей школы. Многие в образовании просто этого не понимают. А перемены произошли просто чудовищные.

И.Д. Фрумин: Я завтра буду делать доклад про влияние кризиса на образование, поэтому не буду много говорить. Могу сказать, что в целом у меня есть надежда, что кризис как остановка, возможность рефлексии какой-то реально нам поможет. Во всяком случае, сегодня много говорили про вузы, им должен помочь. Вот когда сейчас начнется трудоустройство выпускников, вот тогда для них наступит, может быть для тех, кто еще сохранил способность размышлять, момент истины. Я хочу вспомнить строки, кажется их Ф.И. Тютчев написал: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые! Его призвали всеблагие как собеседника на пир». Вот и нас призвали в очередной раз, дав возможность.

Б.И. Хасан: Кризис ума. Никаких других кризисов, на мой взгляд, не бывает. На всех уровнях. Мы говорим про то, что у нас ребенок должен взрослеть и уметь, от того, что он в институте образования находится. А у нас отказывают в принятии решения, начиная от учителя, который не должен думать взерье, а должен работать по какому-то там жесткому плану и графику, и думаний от него не требуется, от директора школы думаний не требуется, от региональной системы тоже. И вот в этом и есть реальный кризис. И если удастся вот здесь, в чем смысл конференции, удастся это увидеть и понять, и как-то это представить всему сообществу, то в этом наша функция и состоит. Может это и оформит кризис в нашем видении и понимании. Потому что если мы его не оформим, то и выходить не из чего.

С.Ю. Андреева: Я сижу и думаю, как же изменить систему образования? Что же

такое мы должны у себя делать с учителем, чтобы он мог справиться с кризисом. Вот для меня этот вопрос на сегодняшний день остается еще подвешанным. И, если мы найдем какое-нибудь решение этого вопроса, я буду считать, что мы здесь незря собрались.

Т.В. Абанкина: Я считаю, что без оптимизма справиться с кризисом невозможно. Это такое чувство, которое должно усиливаться в кризисных условиях. Поэтому в конце выступления я хотела бы рассказать притчу про двух братьев близнецов: одного — пессимиста, другого — оптимиста. У них был день рождения, и родители думали, что же им подарить. Думали они в основном про пессимиста. Долго выбирали и купили ему огромную красивую деревянную лошадку и еще с вечера поставили у кровати. Ну а про оптимиста вообще не думали, положили ему кучку дерьма у кровати и успокоились. Утром просыпается пессимист, смотрит на свою лошадку и говорит: «Фи, деревянная». А оптимист просыпается, видит кучку дерьма у кровати и говорит: «А у меня живая, только она гулять пошла».

И поэтому мне всем нам хочется пожелать внутренней уверенности.